The Lingua Spectrum
Cogito, ergo sum

Jurnal Oliy Attestatsiya Komissiyasi tomonidan 2025-yil 4-yanvar kuni 366/5-sonli qaror bilan tavsiya etilgan milliy ilmiy nashrlar ro'yxatiga kiritilgan

Метафоризация терминов и становление многозначности

Далиева Мадина
DSc, Доцент,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Статья анализирует, как метафора в терминообразовании расширяет набор значений и формирует полисемию. В опоре на когнитивную теорию метафоры (Lakoff & Johnson, 1980), социокогнитивную терминологию и Генеративный лексикон (Pustejovsky, 1995) показано, что научно-технические и общественно-политические термины регулярно развивают «ветвящиеся» значения: облако → облачные вычисления, платформа → политическая платформа, вирус → компьютерный вирус, окно → окно интерфейса. Разрешение неоднозначности обеспечивается селекционными предпочтениями, коллокациями и регистровыми признаками; в переводе решающими оказываются скопос и институциональные нормы употребления (Vermeer, 2004; Bowker & Pearson, 2002). Корпусные методы и прототипическая терминография позволяют описывать ядро и периферию значений (Geeraerts, 2010). Вывод: терминологическая метафора – механизм роста лексики, создающий регулярную полисемию, которую следует не «запрещать», а системно документировать в словарях, редакционных стильбуках и переводческих руководствах.*

Ключевые слова *Терминологическая метафора, полисемия, селекционные предпочтения, корпусная лингвистика, терминография, перевод, генеративный лексикон*

Terminlarning metaforalashuvi va ko‘pma’nolilikning shakllanishi

Daliyeva Madina
DSc, Dotsent,
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Maqola metafora orqali terminlarning ma’no doirasi kengayishi va natijada polisemiya yuzaga kelishini tahlil qiladi. Kognitiv metafora nazariyasi (Lakoff & Johnson, 1980), so‘z yasalishi va terminologizatsiya jarayonlari, hamda generativ leksikon yondashuvi (Pustejovsky, 1995) asosida ilmiy-texnik va ijtimoiy fanlar terminlari misollar bilan ko‘rsatiladi: bulut → bulutli hisoblash, platforma → siyosiy dastur, virus → kompyuter virusi, oyna → grafik interfeys oynasi. Disambiguatsiya amaliyoti seleksion preferensiyalar, kollokatsiyalar va registr belgilariga tayanadi; tarjimada esa skopos va enregisteratsiya muhim rol o‘ynaydi (Vermeer, 2004; Bowker & Pearson, 2002). Korpusli kuzatuv va prototipik terminografiya yordamida «yadro–periferiya» strukturasini hujjatlashtirish tavsiya etiladi (Geeraerts, 2010). Terminologik metafora – leksik o‘sishning mexanizmi; u tartibli polisemiya yaratadi va bu hol Jarayonni boshqarish uchun lug‘atlar, uslub qo‘llanmalari va tarjima siyosatida aniq ko‘rsatmalar zarur.*

Kalit so‘zlar *Terminologik metafora, polisemiya, seleksion preferensiya, korpus lingvistika, terminografiya, tarjima, generativ leksikon*

The Lingua Spectrum
Cogito, ergo sum

The Lingua Spectrum
Volume 9, September 2025

Terminological Metaphor and the Emergence of Polysemy

Dalieva Madina
DSc, Associate professor,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *The article examines how terminological metaphor expands sense inventories and thereby generates polysemy. Building on cognitive metaphor theory (Lakoff & Johnson, 1980), sociocognitive terminology, and the Generative Lexicon (Pustejovsky, 1995), it traces systematic sense formation in scientific and public domains: cloud → cloud computing, platform → political platform, virus → computer virus, window → graphical user interface. Disambiguation relies on selectional preferences, collocations, and register cues, while translation choices depend on skopos and enregisterment (Vermeer, 2004; Bowker & Pearson, 2002). Corpus monitoring and prototype-based terminography help document the core–periphery structure of meanings (Geeraerts, 2010). The conclusion frames terminological metaphor as a productive mechanism of lexical growth that yields regular, manageable polysemy; practical guidelines are offered for lexicography, newsroom and technical stylebooks, and multilingual translation policies.*

Keywords *Terminological metaphor, polysemy, selectional preferences, corpus linguistics, terminography, translation, Generative Lexicon*

Наивный взгляд на термины требует от них «буквальности» и единственности. Но значительная часть современных терминов родилась из переносов, которые стали настолько привычны, что их «переносность» почти не заметна. В момент, когда инженер начинает говорить о *архитектуре* системы, биолог – об *экосистеме стартапов*, а экономист – о *токсичных активах*, мы наблюдаем не поэтическое украшение, а рабочий механизм семантического роста. Когнитивная теория метафоры объясняет эту продуктивность: абстрактные домены осваиваются через картографирование на телесный и повседневный опыт – контейнеры, движения, конструкции, организмы (Lakoff & Johnson, 1980; Kövecses, 2010). Перенос закрепляется в устойчивых коллокациях, затем институционализируется в стильбуках и учебниках, и, наконец, фиксируется в словарях. Так перенос превращается в термин и тянет за собой ветвление значений – полисемию.

Полисемийная «ветвь» здесь системна, а не случайна. Многозначность создается не произвольными ассоциациями, а набором регулярных соответствий между аспектами того же «концептуального каркаса». В рамках Генеративного лексикона это описывается через сложные типы (*dot-types*), сочетающие, например, объект и информацию (*книга*), учреждение и место (*университет*), носитель и содержание (*контейнер* и *контент*) (Pustejovsky, 1995; Asher, 2011). Терминологическая метафора часто запускает именно такие составные профили. *Платформа* в вычислительной технике – это одновременно среда и подложка для других компонентов; в политике – «несущая конструкция» программы. Обе роли держатся на общем образе «опоры», но активируются в разных регистрах и с разными селекционными предпочтениями. Отсюда и рабочее правило различения: если в одном контексте сосуществуют предикаты,

адресующие разные аспекты термина, и высказывание остаётся приемлемым, то мы имеем дело с регулярной полисемией, а не с омонимией.

Когда метафора становится термином, наиболее заметной оказывается смена коллокаций. *Облако* в метеодискурсе соседствует с *дождь, фронт, ветер*, а в ИТ – с *инфраструктура, хранилище, масштабирование*. Для узбекского *bulut* аналогичная перестройка фиксируется в сочетаниях *bulutli hisoblash, saqlash xizmati, infra-tuzilma*. Английское *window* в архитектуре – одна история коллокаций, *window* в графическом интерфейсе – другая: *maximize, tile, close, pane* против *frame, sash, lintel*. Эти различия не эстетичны – они операциональны: по ним автоматические и человеческие интерпретаторы распознают смысл, а переводчик выбирает эквивалент (Bowker & Pearson, 2002; Geeraerts, 2010). В научно-популярных и новостных жанрах коллокационные профили часто и приводят к «забыванию» метафоричности: *эпидемия дезинформации* воспринимается как нейтральный диагноз, хотя лежит на метафоре *болезнь → информация*.

История многих терминов показывает одинаковую траекторию. Сначала – творческая номинация (иногда сознательно метафорическая). Затем – стабилизация благодаря повторяемым задачам и стандартам. Потом – разрастание полисемийной «семьи» вокруг прототипического ядра. *Вирус* как биологический объект даёт жизнь *компьютерному вирусу*, откуда – *вирусный маркетинг*; ядро смещается в сторону «самораспространяемости», а периферия наполняется переносными употреблениями. *Архитектура* расширяется из камня в код: сначала через метафорическое описание, затем – как частотный технический термин. *Платформа* тройственно закрепляется: аппаратная, программная, политическая. В каждом случае полисемия – не «остаток неточности», а структура, созданная терминологической метафорой и закреплённая институционально.

Такое «ветвление» приносит выгоды и риски. Выгодой является экономия выразительных средств: один термин обслуживает семейство родственных задач и позволяет переносить практики между доменами – отсюда междисциплинарная коммуникация и ускоренный трансфер знаний (Cabré, 1999; Temmerman, 2000). Риск – в конфликте регистров и в ложной идентификации. *Платформа* как «сервис» и как «политическая программа» требуют разных глаголов и управлений; буквальная калька разрушает выбор «агентности» в целевом тексте. Русское *окно* как «интерфейс» легко переплетается с «окном возможностей», а узбекское *platforma* в политике может конкурировать с *dastur*. В подобных местах помогает не запрет метафоры, а дисциплина описания: прототипически устроенные словарные статьи, стильбуки, списки допустимых калек по регистрами, а также корпусные «паспорта» терминов с ближайшими соседями (Sinclair, 1991; Bowker & Pearson, 2002).

Ещё одна важная грань – взаимодействие метафоры и дефиниции. В нормативном письме дефиниции нередко «запирают» перенос, закрепляя одно из ответвлений как стандарт. Так *облачные вычисления* получают через стандарты определения, где «облако» уже не образ, а технологический режим. В этот момент прежние переносы могут сосуществовать, но распределяются по регистрам: научно-техническая инструкция требует одного смысла, журналистский текст – другого, образовательный – третьего. Социокогнитивная терминология отмечает именно эту социальную «настройку» термина – enregisterment – как ключевой механизм: значения зависят от сообщества практики, жанра, институциональных норм (Temmerman, 2000). Следовательно, полисемию следует

документировать не плоским перечнем «значений», а картой «ядро–периферия» с регистрами, коллокациями и типовыми сценариями.

Где граница между полисемией и омонимией? Для терминов, рожденных метафорой, омонимия редка: переносы мотивированы и сохраняют «мост» между значениями. Проверка – в условиях совместной предикации и селекционных предпочтениях: *надёжная и масштабируемая платформа* – согласованная связь; *кирпичная платформа* – сбой (Asher, 2011). Там, где мост исчезает и совместимость рушится во всех регистрах, – скорее омонимия. Практические тесты легко встроить в редактуру и перевод: минимальные проверки ко-предикации и валентности отлавливают скрытые конфликты ещё на черновике.

Компьютерная лингвистика даёт инструменты для автоматической инвентаризации таких семейств. Сокрытая «метафорическая родословная» проявляется в распределительных векторах: *cloud* сближается с *storage, compute, scale*, а не с *rain*; *window* – с *pane, dialog, minimize*; *virus* – с *malware, worm, infection* (Navigli, 2009; Hamilton, Leskovec, & Jurafsky, 2016). На основе контекстов можно кластеризовать употребления и мэппить их к типам переносов, а затем обновлять терминографию данными о дрейфе. Это, впрочем, не отменяет близкого чтения – оно необходимо, чтобы отличить моду речи от истинной смены концепта.

Перевод в многоязычной среде должен учитывать двойную жизнь терминов. Там, где перенос стандартен и зафиксирован, уместна унификация: *cloud computing* → *облачные вычисления* → *bulutli hisoblash*. Там, где перенос свежий или спорный, нужна помета регистра и, возможно, разнесение по стилям: *ecosystem* как «экосистема» в ИТ допускается в аналитике, но в учебном тексте может требовать пояснения как «ekotizim (kompaniyalar hamkorlik tarmog‘i)». Скопос-подход помогает ставить цель: информирование, нормирование, популяризация – и от неё плясать при выборе эквивалента (Vermeer, 2004; Venuti, 1995). Для редакций полезны «карточки терминов»: дефиниция, разрешённые коллокации, примеры из корпуса, предпочтительные переводы по регистрам, «красные флажки» двусмысленностей.

Наконец, вопрос о норме. Стоит ли «обрезать» метафору, чтобы сохранить однозначность? Опыт показывает, что это бессмысленно: метафора – двигатель терминологии. Задача – управлять её последствиями. Если мы систематически фиксируем ядро и периферию, следим за дрейфами через корпуса, обучаем пользователей регистровым различиям и снабжаем переводчиков и авторов стильбуками, то полисемия перестаёт быть риском и становится ресурсом. Она помогает переносить модели мышления между дисциплинами, а значит – ускоряет инновации (Cabré, 1999; Geeraerts, 2010). В этом смысле «терминологическая метафора» – не «источник проблемной многозначности», а источник объяснимой и управляемой многозначности. И чем честнее мы документируем её следы, тем предсказуемее и прозрачнее становится профессиональная коммуникация на русском, английском и узбекском.

Список использованной литературы:

1. Asher, N. (2011). *Lexical meaning in context: A web of words*. Cambridge University Press.

2. Bowker, L., & Pearson, J. (2002). *Working with specialized language: A practical guide to using corpora*. Routledge.
3. Cabré, M. T. (1999). *Terminology: Theory, methods and applications*. John Benjamins.
4. Geeraerts, D. (2010). *Theories of lexical semantics*. Oxford University Press.
5. Hamilton, W. L., Leskovec, J., & Jurafsky, D. (2016). Diachronic word embeddings reveal statistical laws of semantic change. In *Proceedings of ACL 2016*. 1489–1501. Association for Computational Linguistics.
6. Kövecses, Z. (2010). *Metaphor: A practical introduction* (2nd ed.). Oxford University Press.
7. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. University of Chicago Press.
8. Navigli, R. (2009). Word sense disambiguation: A survey. *ACM Computing Surveys, 41*(2), 1–69. https://doi.org/10.1145/1459352.1459355
9. Pustejovsky, J. (1995). *The generative lexicon*. MIT Press.
10. Sinclair, J. (1991). *Corpus, concordance, collocation*. Oxford University Press.
11. Temmerman, R. (2000). *Towards new ways of terminology description: The sociocognitive approach*. John Benjamins.
12. Venuti, L. (1995). *The translator's invisibility: A history of translation*. Routledge.
13. Vermeer, H. J. (2004). Skopos and commission in translational action. In L. Venuti (Ed.), *The translation studies reader*. 2nd ed. 227–238. Routledge. (Original work published 1989).